

СЕВЕРЦОВ Н.

МЕСЯЦ ПЛЕНА У КОКАНЦОВ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ МОИМ ДВУМ ОСВОБОДИТЕЛЯМ, ГЕНЕРАЛУ ДАНТАСУ И О. Я. ОСМОЛОВСКОМУ)

Коканцы — должно быть жители Кокана. Где же Кокан? что это такое? Вот вопросы, которые я часто слышал от будущих читателей этой статьи; начинаю следующим ответом на них, и скажу, что такое Кокан.

Это средне-азиатское ханство ¹, занимающее область верховьев Сыр-Дарьи, и названное по имени своего главного города; его северная граница, вдоль реки Чу, прилегает к Голодной Степи, бесплоднейшей пустыне, безводной, неудобной для кочевья, отделяющей Кокан от киргизской степи сибирского ведомства. [2]

Таким образом, коканцы наши соседи; это обстоятельство должно возбудить участие читателя, тем более, что они с нами по-соседски и в ссоре, из за участка земли, что объясню в свое время, а теперь прошу взглянуть на карту, и осмотреть остальные границы Кокана. С востока, китайский Туркестан отделяемый от Кокана хребтом Болор-таг, с юга, хребет Ак-Тау, отделяющий Кокан от Бухары, с западу песчаная пустыня Кызыл-Кум, до Сыр-Дарьи, а на север от Сыр-Дарьи положительной границы нет между коканскими и русскими владениями, а есть нейтральное пространство верст во 180-ть между крайними коканскими и русскими поселениями. Коканцы западную половину этого пространства признают нашей, восточную своей.

Ограниченное таким образом пространство, с древних времен весьма мало известно в истории. Тут колыбель индо-европейского племени, предел завоеваний Кира и Александра, и коканские сарты, или коренные жители, происходят от покоренных ими туземцев. И часто еще и после были покорены эти бедные сарты: арабами, тюрками, монголами, наконец господствующими теперь узбеками ², изгнавшими потомка Тамерлана, малолетнего хана Бабера, впоследствии завоевателя Индии, в начале XVI века.

С тех пор, юго-восточная половина ханства, с городом Кокан, принадлежала узбекам; северо-западная половина, с торговым центром сыр-дарьинского бассейна, Ташкентом, составляла ташкентское ханство, принадлежавшее то узбекам, то киргиз-казакам; последние и теперь составляют большинство населения этой области. Туркестаном и окрестными степями они владели во все продолжение XVIII века; не редко занимали и Ташкент. В 1778 году Туркестаном владел Аблай-Хан киргизский, принявший, задолго до того времени, русское подданство. После его [3] смерти Туркестаном завладели бухарцы; в 1799 году занял этот город ташкентский хан, узбек Юнус-Ходжа, покоривший все племена нынешних коканских киргизов. Но в то же время и коканский хан Норбутаеий распространял свои владения; нападши на Ташкент, он был побежден, захвачен и казнен. В 1805 году, сын казненного хана покорил Ташкент, чем коканское ханство получило свои нынешние пределы.

Сношения этого ханства с Россией довольно долго были мирные; еще в 1829 году было в Петербурге коканское посольство, и до 1853 года ходили в Ташкент русские прикащики. Но в то же время коканские киргизы грабили наших, т. е., грабили более беглецы из русских же киргизов, укрывшиеся в Кокане, нападали и на наших сибирских казаков. Сами коканцы настроили крепостей (из которых главная была Ак-Мечеть) в зимовках наших киргизов на Сыр-Дарье; гарнизоны этих крепостей, вообще малочисленные (самый сильный, в Ак-Мечети, не более трехсот человек) назначались почти единственно для незаконных поборов с зимующих на Дарье русских киргизов, и для поборов же с бухарских караванов, торгующих с Россией, а продовольствовались на счет сыр-дарьинских киргизов — исенчей, или земледельцев. Сверх того, эти крепости, как и все пограничные крепости средне-азиатских владений, служили убежищами и складочными местами разбойничьим шайкам из киргизов, подвластных Кокану.

После взятия Ак-Мечети, переименованной в Форт Перовский, и двукратного поражения коканских войск, посланных обратно завладеть ею, в 1853 году, были покинуты коканцами все укрепления на западе от Ак-Мечети, а на востоке от нее Мама-Сент-Курган и Джулек. Этим, разумеется, кончились поборы, производившиеся из коканских крепостей, набеги ограничились окрестностями Форта Перовский, а вражда коканцев к русским усилилась. Впрочем, набеги производились малыми шайками, и не было примера, чтобы такая шайка потревожила русский отряд, или даже приблизилась к нему. Коканские наездники [4] ограничивались нападениями на беззащитные аулы, и угоном скота; наши киргизы платили им тем же.

После взятия Ак-Мечети, ташкентские караваны еще ходили в Троицк и Петропавловск, а русские купцы, прежде торговавшие в ханстве, перестали туда ездить.

Таковы были наши отношения к Кокану, когда я, по поручению императорской академии наук, прибыл на Сыр-Дарью, для зоологических исследований.

I.

Местоположение Форта Перовский. — Дорога в Кокан. — Экскурсия к Джулеку. — Весна на Сыр-Дарье.

Особенно богатую зоологическую добычу обещали мне лесистые места и разливы Сыр-Дарьи, от Форта Перовский вверх, по направлению к Джулеку; отсюда я думал пробраться, если только возможно, на почти совершенно неизвестный хребет Кара-Тау, которого западная оконечность всего в восьмидесяти верстах от Форта Перовский. Эти места считались опасными от коканцев; но именно в то время, в половине апреля, были в Форте Перовском получены известия, что опасность миновалась: подвластные Кокану киргизы возмутились в восточной части ханства, и осаждали крепость Аульё-та; туда сосредоточивались коканские войска, а в западной части ханства оставались только слабые гарнизоны, не выходящие из городов и укреплений. В этой западной части киргизы были покойны, но более расположенные к русским, нежели к коканцам. Только их, киргизов, можно было встретить на Кара-Тау, а близ Дарьи, между Фортом Перовским и коканской крепостью Яны-Курган (на востоке от Джулека, в двухстах верстах от Форта Перовский) — никого, кроме мирного киргизского отшельника у могил Охчу, близ Джулека, почитаемых святыми.

Такие обстоятельства должны были казаться весьма благоприятными для предполагаемой экскурсии; но сверх того шел еще вверх по Дарье отряд, посланный рубить [5] мелкий строевой лес для Форта: рота пехоты, пятьдесят казаков³.

Наконец, бухарский эмир угрожал Кокану. Стесненные таким образом, коканцы должны были избегать русского вмешательства в их дела, следовательно, и неприязненных действий против нас.

Но, так как только что объясненная безопасность экскурсии была только вероятна, а не совершенно верна, я решился быть при посланном вверх по Дарье отряде, следовать его переходам, а во время дней для рубки леса охотиться около его лагеря. Поездка же на Кара-Тау должна была зависеть от дальнейших известий, какие могли быть получены уже в отряде, на местах рубки, от наших киргизов, имевших сношения с каратаускими, — так как многие тамошние перекочевали в русские пределы, но продолжали видаться с родичами, оставшимися на прежних кочевьях, в коканском подданстве.

Такое решение было скорее осторожно, чем беззаботно-дерзко, да и в исполнении, как читатель увидит, я не полагался на авось.

Я знал положительно, и все после плена собранные сведения это подтвердили, что до тех пор, до апреля 1858 года, коканцы весьма избегали встречи с русскими отрядами, даже и на двадцать верст к ним не подходили. Это было замечено еще в марте 1858, когда (что ежегодно бывает) русский отряд, выставленный в восьмидесяти верстах от Форта, прикрывал перекочевку наших киргизов, с их дарьинских зимовок на север.

Поражения, нанесенные русскими коканцам в 1853 г., когда наши сотни разбивали их тысячи, сильно устроили их, и они еще ничем не показывали, чтобы безуспешные погони наших отрядов за их хищниками, рассеяли этот страх. [6]

Мне первому довелось узнать горьким опытом, что коканцы уже успели ободриться, относительно наших отрядов.

Для пояснения дальнейшего рассказа, нужны некоторые топографические подробности.

Форт Перовский построен на правом, или северном берегу Сыр-Дарьи, которая и выше и ниже Форта представляет разливы, образующее акмечетский остров: Форт находится в одинаковом почти расстоянии от верхних и от нижних разливов.

Верхние разливы называются Бир-Казан, и направляются от Дарьи к северо-западу. Начало их — довольно глубокий проток, с одним только бродом, извиляющийся в лесистых болотах; далее вода уже стоячая — озера и камышевые болота, верст на двадцать пять, дугой, по низинам между песчаными барханами. Из Бир-Казана вода пробирается по соленым низинам между барханами, к следующему низшему разливу: но течет медленно, протоки часто засоряются илом и превращаются в ряды солоноватых озер, которых промежутки высыхают. Половодье размывает русло до нижних разливов то тому, то другому из них, через пяти-верстный низкий перешеек между обоими главными разливами, а в малую воду эти русла засыхают, заносятся пылью, и акмечетский остров становится полуостровом.

Ниже Форта, верстах в пятнадцати, выходит из Дарьи Караузьяк, с самого начала образующий разливы и текущий в затопленных камышистых берегах. Правый берег этих разливов, постоянно расширяющихся, по мере удаления от Дарьи, направляется к северо-востоку и приближается к Бир-Казану, с которым, как мы видели, иногда и соединяется; отсюда этот берег поворачивает к северу, и, наконец, верстах в семидесяти от Форта, к северо-западу, параллельно реке. Разливы Караузьяка называются Бабастын-Куль. [7]

Таким образом, акмечетский остров образует треугольник, которому основанием служит Дарья. У вершины, на перешейке между Бир-Казаном и Бабастын-Кулем, построено наше, весьма незначительное укрепление, бишарнинский пост; в восточном угле — такое же, бирюбаевский пост, на Дарье, у выхода Бир-Казана.

Эти укрепления прикрывают выходы на остров дорог из крайнего коканского укрепления, Яны-Курган, через перешеек и через брод на Бир-Казане. Бирюбая коканская шайка, если пойдет по дороге через Бир-Казан, миновать не может: почему они и обходят разливы Бир-Казан по дороге, за это названной разбойничьей, и пробираются на остров мимо Бишарны.

На восток от Бир-Казана нет уже для коканского набега никаких естественных преград, до самого Ташкента. Поэтому и земледельческое население правого берега Сыр-Дарьи, между Яны-Курганом и окрестностями Форта № 1, уже недалекими от устья, на пространстве слишком пяти сот верст, ограничивается акмечетским островом, хотя и есть на этом пространстве много мест не менее, или даже более удобных для заселения. Чтобы заселить эти места киргизскими исенчами и обирать их, коканцы запрудили выход Яны-Дарьи, рукава Сыра, выходящего верст восемь ниже Форта Перовский, и текущего к юго-западу; таким образом они лишили пашни по Яны-Дарье необходимого в таком сухом климате орошения и заставили тамошних земледельцев перейти на Сыр-Дарью, между Яны-Курганом и Ак-Мечетью. По взятии же Ак-Мечети русскими, киргизы прорвали плотину на Яны-Дарье, течение этого протока возобновилось, и киргизы перешли на Джаны-Дарью, покидая берега Сыра, подверженные коканским набегам. И вот почему пространство между Бирюбаем и Яны-Курганом, теперь населено одним, уже упомянутым отшельником у могил Охчу.

А на этом пространстве сто тысяч оседлых жителей, могли бы поместиться гораздо просторнее, нежели оседлое население бухарских и хивинских владений! [8]

Перед отъездом в степь, я встретил в Петербурге офицера, возвратившегося с Сыр-Дарьи, и спрашивал его об том крае. Он говорил с восторгом о могучей, полноводной, быстрой реке, об ее зеркальных разливах, отражающих безоблачное, темно-голубое и все-таки ярко светящееся небо и ослепительное солнце юга. Сильная, свежая растительность окружает эти разливы, тихо шепчутся над ними громадные камыши, с гибкими лозами тальника, с темной зеленью тополя, с мелкой, серебристой листвою джиды, изящною сеткою рисующеюся на прозрачной, хотя и густой синеве неба. А как чист и легок весенний воздух и звучнее, чем у нас, раздается уже в начале апреля голос соловья в покрытых молодой зеленью, усеянных нежно розовыми, крупными цветами чащах колючки. А причудливые формы саксаула, у которого вместо листьев пучки тонких, желто-зеленых, сочных веток, или гребенщика, тоже с зеленеющими, мелкими ветвями, но уже не прямыми, как у саксаула, а бесконечно разветвленными, чешуйчатыми, как у кипариса и до того частыми, что весь куст — сплошная масса темной зелени, с огромными пушистыми кистями пурпурных цветов. А животная жизнь так и кипит на этих цветущих берегах. Что за разнообразие, что за множество птиц! на каждом шагу с шумом вылетает фазан из колючки, и блещет на солнце радужными, металлическими отливами, резвятся в теплом, живительном воздухе стада изумрудных персидских щурок, величаво парят над Дарьей орлы-рыболовы, в пышном наряде юга, густо-каштановые, с палевой головой, бархатно-черными крыльями и хвостом, на котором так и светится широкая, белоснежная полоса ... да не перечтешь всех сыр-дарьинских птиц, даже и тех, на которых невольно остановится и глаз непосвященного в тайны зоологии, каков был этот офицер.

Да и не одни птицы! Тут и звери не нашим чета. Прекрасен и грозен, могуч и неуловимо-проворен, как восточный удалец - наездник, кроется в чащах сыр-дарьинской долины тигр, сторожа неуклюжего кабана, статного оленя, или черноглазую красавицу, стройную, воздушно-[9] легкую дикую козу, родную сестру воспетой арабскими поэтами газели.

Так он описывал, а я слушал и заранее радовался тому, что еду в этот рай земной для натуралиста вообще и для зоолога, специально занятого позвоночными, в особенности. Конечно, я видел, что этот офицер отчасти восторженного характера; но правдив, и в его описании не было ничего выдуманного, а все оправдалось на деле, когда я приехал на Дарью.

А между тем возбужденные им ожидания были отчасти обмануты, тем, что земной рай натуралиста показался мне некрасивым.

Тому были причины, отчасти случайные. Офицер особенно живо помнил весну 1855 года, про которую и я слышал единогласный отзыв сыр - дарьинских жителей, что она следовала за необыкновенно теплой для того края, почти итальянской зимой, и сама была замечательно хороша, умеренно-теплая, ясная, с перепадавшими дождями, что заставило дружно расцвести всю растительность.

А зима с 1857 на 1858 г. была бурная, и такая холодная, что киргизские старожилы подобной и не запомнят.

Морозы с октября превышали десять градусов, с ноября 15°, а в январе доходили и до 25°, так что средняя температура этого января была одиннадцать с половиною градусов, как в Архангельске, следовательно несравненно холоднее Петербурга (— 7,3), даже Вологды (— 8,5) и Казани (— 10,9).

Весна началась рано, в феврале, но шла вяло, и как-то скупно и нерешительно рассыпала цветы: это была сухая, холодная весна. Снег сошел в феврале, а ночные морозы до апреля сохраняли зимний, мертвенный вид растительности, а потом, как уже сказано, и листья и цветы являлись на каждом дереве исподволь, очень медленно, и по мере появления увядали от засухи.

Везде проглядывала весьма некрасивая почва: сыпучий песок, или грязного цвета ил, сухой и истресканный; пыль слишком часто стояла в воздухе, и пачкала все: и [10] распускающуюся зелень, и цветы, и даже безоблачную синеву неба.

Но и при самых благоприятных обстоятельствах, местность такова, что особенности сыр-дарьинской природы только в памяти группируются в полную изящную картину, поразительную своим разнообразием. Этого-то целого глаз и не окинет; глазу, на месте, представляются только отдельные черты — почему сыр-дарьинская природа кажется однообразной. В окрестностях форта Перовский, коли попадешь в колючку, так уж больше ничего и не видно; в саксаульнике — один саксаул, да грязно-серый, солоноватый ил между деревьями; также однообразны и заросли гребенщика, и песчаные барханы, и камышовые разливы. Всего лучше, по разнообразию растительности, прибрежные джидовые роши.

Также и на счет животных. Каждого рода местность, однообразная уже сама по себе, вследствие того отличается еще однообразием, бедностью форм своего животного населения, что досаждало на охоте и меня и моих спутников. Только осматривая коллекцию мы могли видеть, что берега Дарьи, в общем итоге, необыкновенно богаты различными породами животных: хотя каждый род местности и беден ими, да родов местности много.

На счет животных замечу еще, что на виду держатся только весьма немногие породы птиц; а огромное большинство их, и все звери, от тигра и оленя до мыши, превосходно прячутся, что еще усиливает обманчивое впечатление зоологической бедности на берегах Дарьи.

Зима 1858 г. погубила, наконец, большинство фазанов своими морозами. Осенью 1857 г. я их видел еще пропасть, а на следующую весну весьма мало. За то много нашлось замерзших.

А со всем тем, я здесь повторяю и помню только слова, которыми на месте выражал свои впечатления от сыр-дарьинской природы, — а самые впечатления исчезли.

За то часто передо мной возникает согласный с описанием упомянутого офицера общий, прекрасный образ Сыр-дарьинской долины, и не по одиночке, как на месте, [11] а все вместе, ясно и отчетливо представляются мне оригинальные подробности этого, в высшей степени замечательного края.

А на чем-то я остановился в своем рассказе? или еще не начал?

Да, был послан отряд вверх по Дарье, нарубить джиды и тополей на постройки.

Некоторые занятия удержали меня в форте, так что я не успел отправиться с отрядом, а отправился дня три спустя, 20-го апреля, обойти акмечетский остров, и догнать отряд за протоком Бир-Казан.

Эта экскурсия была рядом мелких неудач. Нужны были два верблюда, но зимующие под Акмечетью Киргизы откочевали; нашелся один только верблюд, и то плохой. Мои десять конвойных казаков нагрузили лошадей, и вожак-киргиз повел нас отыскать и нанять еще верблюда.

Оставались только похудевшие зимой, или верблюдицы с маленькими верблюжатами; и тех и других киргизы откармливали и заправляли на сыр-дарьинских пастбищах, пока еще не выросли летние травы, вредные для верблюдов. Но они собирались скоро откочевать на лето в степь, и, избегая задержки, прятали верблюдов между барханами, и уклонялись от обязанности отдавать их в наймы по казенной надобности.

Мы выступили уже пополудни, и проискали верблюда до вечера, а нашли уже после захождения солнца. Солнце зашло в тучи, который быстро набегали на небо; скоро темнота сделалась так густа, что не видно было ни на шаг вперед. Полил проливной дождь; промокнув до костей, мы остановились ночевать в первом попавшемся киргизском ауле, где, по киргизскому обычаю, нас всех беспрекословно разместили по кибиткам, и не потому, чтобы они боялись казаков, а именно по обычаю гостеприимства. Точно также они, как я видал и прежде, и после, принимали и всяких путников, что я, может быть, подробнее [12] опишу, вместе с другими обычаями киргизов, в другой статье.

На другой день мы пошли на бишарнинский пост, весь день охотились, и ночевали в барханах, между Бишарной и Бирюбаем, у болот, которые многими рядами идут от Бир-Казана к Бабастын-Кулю, как уже сказано. Речь о способах степного похода, о походной жизни, о том, как и почему она принимает сильный отпечаток туземного кочевого быта, я тоже отлагаю до другого раза.

На третий день, пришедши в Бирюбай, около полудня, я почувствовал лихорадку, и довольно жестокий припадок, что заставило меня ночевать там. Действие весеннего дождя уже было видно в этот день, и еще яснее оказалось в следующие. Быстро одевались молодой, кратковременной зеленью песчаные барханы; живее и обильнее распускались листья и цветы.

Но редки дожди в окрестностях форта Перовский. После этого, бывшего 20-го апреля, был один в мае, как мне сказывали; один 2-го июля, а за тем два самых незначительных, не прибавивших и пыли, 13-го августа ночью и 1-го сентября утром. А я слышал от жителей, что обыкновенно летних дождей бывает и того меньше.

Выехавши из Бирюбая, мы ехали по болотистой низине, заливаемой при каждом повышении воды в Дарье. Не весело смотрело это болото, грязное, голое, безтравное, с редкими, корявыми кустиками гребенщика и саксаула. Между кустами виднелись частые солонцы: запачканные накипи разных солей магнезии. А птиц было не мало в этом гадком кустарнике: обстоятельство, украшавшее его в моих глазах, хотя, по причине нездоровья, я лучше видел недостатки, нежели красоты пейзажа.

У протока Бир-Казан прекращаются солоноватые болота, и он вьется между джидовыми рощами, перемежающимися с колючкой. За протоком, саженьх во ста, построена коканская крепостца Мамасеит - Курган, теперь пустая. [13]

По взятии Акмечети, коканцы без боя покинули Мамасеит; русские не обратили на нее внимания, и крепостца до сих пор уцелела в первоначальном виде. Это, как и все коканские укрепления, четырехугольник, каждая сторона которого сажень в пятнадцать, двадцать, обнесенный глиняной стеной, сложенной не из воздушных кирпичей, а из комков глины, смятой в руках. Выступы этих комков снаружи сглажены ладонью, пока глина была мягка. Для постройки всей крепости глина берется тут же, снаружи стен, что образует ров; а строили бесплатно соседние исенчи, теперь откочевавшие на Яны-Дарью.

Вышина стен Мамасеита до пяти аршин; к ним изнутри прислонены все постройки, именно конюшни, из хвороста и камыша, с джидовыми кривыми столбами и стропилами. По плоско-покатым крышам, засыпанным землей по камышу и хворосту, удобно всходить до верху стены, и из-за нее стрелять. Гарнизон крепости вероятно жил в кибитках.

Невдалеке от Мамасеита я присоединился к отряду, посланному рубить лес, а вскоре мы подвинулись верст на двадцать вверх по Дарьи, за Кумсуат, и остановились близь озера Джарты-Куль.

Под Кумсуатом было сражение русских с коканцами, в 1853 г.; проезжая, я осматривал поле битвы, заросшее колючкой, пересеченное канавами, и простирающееся между двумя рядами барханов, перпендикулярно к реке. Тут русский отряд в 300 человек (казаков и пехоты) несколько часов сражался с несколькими тысячами коканцов (неизвестно в точности сколько, слышанный мной показания колебались между шестью и восемью тысячами), победил их, перебил более своей численности и завладел их пушками.

Не помню всех подробностей этого дела, помню только, что русские неподвижно выдерживали и отражали частые нападения коканцев, которые были все конные. Потом, когда коканские лошади отчасти поустанали, их натиски сделались менее дружны, наши казаки, на свежих лошадях, отбивши нападение, сами налетели на нестройно-отступавшие толпы [14] неприятелей, смутили, смяли и погнали их как стадо баранов.

Не могу сказать наверное, но полагаю вероятным, что в смятых толпах неприятеля, коканские киргизы тут же обратились против природных коканцев, по своей против них ненависти; потому что я слышал, что когда коканцы собирают большое войско, то вербуют туда и мирно кочующих, обиравемых ими киргизов, которые идут в надежде добычи от побежденных, кто бы они ни были, неприятели Кокана или сами коканцы.

Довольно о кумсуатском деле и отряде. Возвратимся к настоящему отряду, посланному за лесом, где и я находился.

Начальствовал этим отрядом офицер, служивший на Сыр-Дарье со времени взятия Ак-Мечети, известный своей опытностью, храбростью и вместе с тем осторожностью. Я с ним советовался на счет дальнейших экскурсий и могущих встретиться опасностей, и он меня отклонял от всяких замыслов на счет Кара-Тау; но окрестности лагеря, верст на десять, считал безопасными.

Это он подтверждал и примером: сам ходил, и другие офицеры ходили, сам-друг с вестовым, выбирать лес для рубки, или на охоту, даже и после того, как мы получили из форта Перовский известие, что из Яны-Кургана делаются разъезды к Кара-Тау, чтобы задерживать киргизов, начавших перекочевывать из коканских владений в русские, оренбургского ведомства.

Разъезды коканцев в этом направлении заставили меня отказаться от поездки на Кара-Тау, тем более, что я не имел права брать туда конвой, а должен был ограничиться людьми, непосредственно принадлежащими к экспедиции, в числе трех, и двумя киргизами вожаками.

Но с другой стороны, малочисленный яны-курганский гарнизон, занятый еще разъездами к северу, к Кара-Тау, в 150-х верстах от нашего лагеря, и содержанием постоянного сторожевого пикета (как нас извещали) в горах, очевидно, не мог никого отделить, ничего предпринять на запад, против гораздо сильнеею русского отряда: [15] следовательно если только известие было верно, опасность со стороны коканцев, для окрестностей лагеря, из мало вероятной становилась прямо невозможной. А верности этого известия поверил и человек, пославший нам с ним киргиза, человек, замечательно, точно и подробно знающий наших средне-азиатских соседей, и впоследствии превосходно употребивший это знание для моего избавления из плена, — О. Я Осмоловский, чиновник министерства иностранных дел, заведывающий сыр-дарьинскими киргизами. Прибавлю еще, что я, после, в плену, узнал, что это известие было верно, только не полно: к Кара-Тау коканцы сделали простую демонстрацию.

Таким образом, я, по примеру офицеров отряда, продолжал охотиться в окрестностях лагеря без опасения. Коллекции нарастали по немногу, но эти охоты были досадны тем, что самые редкие, самые завидные для коллекции субъекты из животных встречались, но в руки не попадались.

Так, 24 апреля, я заметил высоко летающего по воздуху орла, который мне показался совсем особенным. Я его легко определил, признаки были несомненны: длинный, широкий, остроконечный хвост, огромные острые крылья, и вместе с тем плавный, парящий по орлиному полет, только быстрее, светлое брюхо, больше никому не могли принадлежать, как бородачу (*Gypaetos barbatus*): но нигде не было прежде замечено, чтобы эта альпийская птица летала на степь, к низменной речной долине.

А я уже раньше, 22 числа, слышал от нанятых мной для экспедиции охотников, что они видели огромных орлов, по их описанию бородачей, в прогалине саксаулового леса. Их было несколько, клевавших сайгака. И киргизы мне сказывали про огромных долгохвостых орлов, т. е., бородачей, живущих на Кара-Тау; вероятно недостаточность корма в горах заставляла их посещать и окрестные равнины, за сайгаками и дикими козами.

Но и Кара-Тау хребет невысокий, и их пребывание там составляет замечательное исключение из их [16] обыкновенного образа жизни.... только здесь не место увлекаться зоологическими исследованиями.

Нездоровье мое продолжалось, и, на охоте, я каждый день скоро уставал, сходил с лошади и ложился, чувствуя озноб и жар. Наконец, утром 26 апреля, я чувствовал себя еще слабее прежних дней, и все утро лежал, за полдень. Вместо обычного влечения на охоту, меня одолевала какая-то вялость; не хотелось ехать. Совестью почти припоминать такие, чисто-личные мелочи, но если бы я поддался своей безотчетной болезненной лени, расположился бы на весь день отдыхать в лагере, я не попался бы в руки коканцов: болезнь была мне словно предостережением, и это врезалось в мою память.

Я его не понял, я был послан в степь не для отдыха, а для исследований, надеялся пересилить болезнь, и считал нарушением долга не выехать для наблюдений, когда мог держаться на лошади. Почувствовавши в час пополудни облегчение, я поехал, с препаратом экспедиции, тремя казаками, чтобы держать лошадей, и двумя жожаками-киргизами. Мы направились к Джарты-кулю, так как два охотника были уже посланы на Дарью, в джидовые рощи, — да и воздух лесистых болот мне казался нездоров для человека в лихорадке.

Местность между Бир-Казаном и Джулеком имеет несколько иную физиономию, нежели на акмечетском острове, где барханы и низины довольно беспорядочно перепутаны.

Здесь, напротив, можно ясно различить четыре полосы, идущие вдоль реки.

Первая — джидовые прибрежные леса с камышистыми озерами, самый красивый, как уже сказано, род местности в сыр-дарьинской долине; ширина этой полосы от нескольких сажен до версты.

За тем — низины, уже менее сырые, но все еще отчасти заливаемые в половодье, заросшие колючкой. Тут — бывшие пашни, легко узнаваемые по оросительным канавам, есть и озера, между прочим Джарты-Куль. Не близко друг от друга пересекают эту полосу высокие гряды песчаных [17] барханов, как валы, направляющиеся к реке от следующей полосы.

Та состоит из частых песчаных барханов, по расположению похожих на морские волны. В западинах между ними бывает весной местами вода, да и в летнее половодье заходит; эти озерки в песках расположены группами, далекими друг от друга. Растет более колючка, есть еще гребенщик и джугун, характеристические для южно-киргизских степей кустарники из семейства Calligoneae. Вместо листьев зеленые коленчатые ветки, как у саксаула, но не короткие и торчащие, а длинные и гибкие, и не пучками, а одинокие. На восточном берегу Аральского моря есть виды джугуна, растущие уже не кустами, а деревьями сажени в две-три, которых вид, в уменьшенном размере мне показался похож на вид новоголландских казуарин. В низинах тут есть и туранго, которой иные листья на одном дереве, в роде ветловых, а другие как осиновые.

Четвертая полоса, солоноватая равнина, поросшая саксаулом, переходит в Голодную Степь, отличающуюся здесь необъятными такырами, т. е., местами, совершенно ровными, без малейшего следа растительности, где весной стоит мелкая, на вершок снеговая вода, а потом лоснится глиняная, истресканная кора.

И в саксаульную полосу переходят гряды барханов из предыдущей.

Наш лагерь был на границе первой и второй полосы, близ Дарьи.

Мы переехали гряды две барханов, во второй полосе, проехали и мимо Джарты-Куля, и ничего не нашли. Переваливши через третью, высокую гряду песков, мы спугнули дикую козу, а на лужайке, между чащами колючки, нашлись и ее два козленка, еще едва стоящие на ногах.

Тут мне в голову пришла жестокая затея, достойная охотника, или зоолога, у которого стремление обогатить коллекцию отнимает всякую жалость, — привязать козлят, и, спрятавшись, караулить возвращение к ним матери, чтобы [18] ее застрелить; козлят я думал взять и воспитать, выпоивши молоком, как телят.

Мы попрятались в колючку. Киргизы-вожаки между тем поехали вперед, т. е., к востоку, и въехали на бархан осмотреться.

Вскоре они вернулись с известием, что заметили вооруженных коканцов.

Кабы они не ездили на бархан! там коканцы нас не искали, а ждали спокойно ночи для цели, которую читатель впоследствии узнает. Лишь бы им остаться незамеченными, а наши выстрелы на охоте не вызвали бы от них нападения, как я впоследствии узнал. Еще тут, в полуверсте от неприятеля, я мог бы безопасно добыть дикую козу, и вернуться домой, в лагерь, с ценной добычей — если бы не обще-киргизская привычка выглядывать, нет ли чего особенного.

Увидя себя замеченными, некоторые коканцы тоже выехали посмотреть, увидели нашу малочисленность, и вернулись к своей шайке.

Наши киргизы поскакали в лагерь за помощью.

После того, как показались коканцы, мы ожидали нападения. Из объясненных уже выше соображений, что подобная встреча невозможна, читатель уже может понять, как неожиданно было это нападение: и неожиданность смутила нас. Моя первая мысль была однако защищаться; ружье у меня было заряжено дробью; сверх дроби, я стал заряжать оба ствола пулями. В правый ствол пуля вошла легко; в левый шла туго.

Вместе с тем, я сказал своим спутникам собрать лошадей, и самим засесть в колючку, чтобы дожидаться коканцов, подпустить и стрелять их в упор, на верное.

Будь со мной мой бывший спутник по степи, офицер топографов А. Е. Алексеев, опытный, храбрый, хладнокровный офицер, исходивший всю степь, подравшийся и с хивинцами и с коканцами, сильно содействовавший кумсуатской победе!

Мое распоряжение было внушено памятью наших с ним разговоров об обороне от азиатцев, и будь он [19] тут, это распоряжение было бы исполнено, он бы воодушевил казаков, смущенных неожиданностью, как он раз и сделал, во время моей экспедиции близь Эмбы; распоряжение было бы исполнено, мы бы отбились.

Но я не привык командовать; прежде, в степи, я поручал это офицерам, начальствовавшим конвоем экспедиции. И тут, вместо решительной команды, не допускающей возражений и заставляющей наших солдат и казаков побеждать или умирать, я высказал только свое мнение. Ожидая битву, я надеялся на себя, как на рядового, что не хуже другого подерусь, и хладнокровно заряжал ружье, но не так-то надеялся на себя, как на боевого начальника, и искал опоры в самих казаках; пусть каждый решится за себя, а не мне, мирному зоологу, от роду не бывшему в деле, распоряжаться чужой жизнью.

Эта неуверенность начальника еще пуще смутила казаков, внушила им робость.

Они умоляли меня спастись, подвезть к отряду коканцов, если будут преследовать: говорили, что их сила несметная, — да, как я уже объяснил, можно ли было и подумать, чтобы коканцы решились подойти близко к русскому сотенному отряду, иначе, как с громадным превосходством сил? Ведь они уже испытали, что и это превосходство не помогает; ведь они пять лет тщательно избегали встречи с нашими отрядами.....

Ни препарат, ниже один казак не отходили от меня, пока я заряжал ружье, они не хотели бежать, спастись без меня; но они меня торопили, представляли бесполезность сопротивления пяти человек сотням.

Я видел их смущение, борьбу между страхом и преданностью мне; они могли, от этой преданности, даром погибнуть, но для боя была на них надежда плохая, а один в поле, не воин.

Они уже были верхом, и ждали: скрепя сердце, сел на лошадь и я — мы поскакали.

Скоро показались и коканцы — не толпа несметная, а всего человек пятнадцать. Мне представился несбыточный план успешной обороны, вскочить на близкий бархан, и [20] с верху отстреливаться и отбить неприятелей, занявши выгодную позицию.

Да некогда было ее занимать: коканцы уже были близко, и шагах в двадцати пяти дали залп на скаку — никого не убили и не ранили. Мы повернулись к ним — казаки выстрелили, без команды и без действия, потом опять поскакали.

Вихрем, точно тени, мелькнули мимо нас, так что я и не разглядел, несколько неприятелей; остальные были еще назади: не помню, какими судьбами я отстал от своих и ехал один, разве потому, что и на езде старался еще забить недосланную в ружье пулю. Я еще не стрелял, и оба ствола были заряжены.

С обеих сторон узкой, извиистой дороги, по которой мы ехали, была колючка в рост верхового, почему я и не мог видеть всех эпизодов стычки.

Но еще не доехавши до этой колючки, услышал я выстрел и увидел серую лошадь моего препаратора, без седока, а скоро нашел и седока, лежащего на дороге, без оружия. Он просил защиты, я кликнул казаков, которые не слышали, а ему сказал залезть к колючку, что он и исполнил, и я поскакал дальше.

Он скакал сперва рядом со мной, но нас разлучили первые, обогнавшие нас коканцы, кольнувши его пикой. Он стрелял — вместе с казаками и после; его ружье было двуствольное. Результата своего выстрела он не видал; еще дым не рассеялся, как он уже получил, как я после узнал, еще три раны пикой, к счастью легких, и был сбит с лошади, не убивши и не ранивши никого. Едва успел я от него отъехать, как меня догнал коканец, и кольнул пикой. Коканцы скакали впереди меня — другие еще оставались сзади — мною овладела злоба пойманного волка, кусающего своих ловцов с яростью безнадежного отчаяния. Я не надеялся спастись, и, решившись не достаться им даром, метко, расчетливо прицелился в ранившего меня коканца, пустил в него правильно досланную пулю — и его лошадь поскакала без седока, а [21] он лег мертвый поперек дороги, с простреленной на вылет головой. Тут опять мелькнула пропавшая было надежда догнать, своих, пробиться — да лошадь запнулась перед мертвым телом; меня настигли еще три неприятеля. Я обернулся к ним, готовый еще раз стрелять, и выстрелил, но уже пеший; сперва меня сняли с лошади на пике, воткнутой мне в грудную кость. Оставшаяся в одном стволе, недосланная пуля, так и не вылетела; выстрел разорвал ружье. Тогда один из неприятелей, коканец, ударил меня шашкой по носу, и рассек только кожу; второй удар по виску, расколовший скуловую кость, сбил меня с ног — и он стал отсекал мне голову, нанес еще несколько ударов, глубоко разрубил шею, расколол череп... я чувствовал каждый удар, но, странно, без особенной боли. Двое других, киргизы, между тем ловили мою лошадь; поймавши ее, они подошли и остановили своего товарища, почему я и остался жив.

Все трое меня проворно обобрали, связали руки и повели, пешего, а сами верхом. Я прежде всего поднял и надел упавшую с головы шляпу, походную, мягкую шляпу с широкими полями; потом объяснил им, по киргизски, (теперь право не сумею найти этих слов, не зная языка), что пеший конному не товарищ, и я за ними не поспею. Они меня посадили на лошадь — но не на мою, и привязали ноги к стремянам; мы поехали рысью. Большинство захвативших меня неприятелей были не коканцы, а коканские киргизы; настоящий коканец был только один, тот самый, что меня рубил.

К моим первым трем провожатым мало-помалу присоединялись еще и другие; но ехали не кучей, а то обгоняли меня, то отставали. Были и заводные лошади; еще я заметил двух захваченных казачьих лошадей, казачье ружье, ружье моего препаратора и мою винтовку, которую я, выезжая на охоту, поручил везти казаку. Пленных, кроме меня, не было.

Заметил я тоже, что один киргиз постоянно ехал со мной, не обгонял и не отставал, а ехал так, переговорившись с остальными. Чтобы задобрить своего сторожа, [22] я отдал ему свои деньги, которых обиравшие меня сначала не нашли, всего рублей десять, звонкой монетой.

Этот сторож вел на поводу лошадь, на которой я ехал. Руки мои были развязаны, но меня не допускали самому править, боясь побега, почему я ехал довольно спокойно.

Между тем, со мной поступили еще человеколюбиво. В 1852 году, коканские киргизы захватили трех сибирских казаков, изранивши их не хуже меня, и прежде чем посадить на лошадей, три версты тащили на арканах ⁴, а меня всего шагов десять.

Кровь обильно лилась из моих ран, ни чем не перевязанных, и капала на дорогу: но боли я все не чувствовал, а только слабость. Все время я был в полной памяти, и не слишком мучился своим грустным положением: я, от ударов что ли по голове, отупел и впал в какую-то апатию, мешавшую мне раздумывать о своем бедствии. Всего сильнее я чувствовал жажду, от потери крови. Между тем, я придумывал, как бы выманить от этих киргизов свое освобождение, да поскорее. Нужно их было уговорить — я не знал их языка. Немедленное бегство я считал бесполезным: слишком слаб, как раз догонят, и еще хуже будет. “Биз семдер кирэк эмисс; биз кеттэ кирэк; урус-га кеттэмс; синдер джуз, бишь-дшуз, мын тэнька булад урус тэнька, — говорил я (и верно неправильно, да не умею правильно), подбирая не многия знакомые киргизские слова, значившие по русски: я вам не нужен, мне надо уйти, поедем к русским, вам достанется 100, 500, 1000 рублей. — Русские киргизы называли наш рубль тэнька или деньга, но азиатская, бухарская и коканская монета этого имени не дороже двадцати копеек, почему я и говорил про русские тэнька.

Смотрел я тоже и примечал дорогу, не будет ли вода; но дорога шла по безводным барханам, где я замечал, и именно в этот раз (из Кокана назад [23] проехал тут ночью), описанную выше растительность песков. Птиц не оказывалось; только позднее, в сумерки, я заметил небольшую сову, но не разглядел какую, утративши очки в сражении.

II.

Приезд дащанова брата. — Жажда. — Допрос. — Объяснения нападения. — Дашан.

Между тем приехал еще киргиз и стал распоряжаться остальными: лет тридцати пяти, с довольно правильными чертами, с узким продолговатым лицом, в котором только и было монгольского, что выдающиеся скулы и редкая борода. Глаза его лукаво подмигивали, и вообще в выражении лица было что-то неприятно-фальшивое. Он заговорил со мной по-русски; первые вопросы были о том, кто я и о возможности погони; я отвечал, что не успеют догнать, почему мне и можно напиться, когда подъедем к воде.

— Но напиться при таких ранах, это смерть.

— То дело мое, да мне нечего умирать, проживу; а так ехать не могу.

— По крайней мере, нужно пить очень мало.

— Не вдруг и напьюсь, а понемногу у каждой воды; до Джулека их довольно.

— Пропасть.

— Так задержки нам не будет; отряд в лагере, лошади пасутся; пока соберутся, поедут — у нас сборы долги. Где казакам вас догнать, когда мы уже двадцать верст отъехали.

Я знал, что был им нужен, и живой; от меня желали пояснений на счет ожидаемого приезда в степь генерала Катенина — не для войны ли с Коканом, почему и сказал между прочим, что состою при генерале, но сказал уже напившись: мы между тем нашли не много воды во впадине

дороги. Это меня подкрепило. Мой допрос продолжался. Киргиз, знающий по-русски, по временам [24] подъезжал ко мне, мы разговаривали не много, потом он опять отъезжал.

Я забыл имя этого киргиза; он был брат Дащана, атамана захватившей меня шайки.

Узнавши, что я состою при генерале Катенине, он, как я ожидал и желал, стал расспрашивать меня о намерении генерала относительно Кокана, идет ли он с войском, и какой дорогой. На счет дороги я отозвался неведением; на счет цели степной поездки генерала отвечал, что цель мирная: генерал хочет сам, на месте увидеть положение и потребности края, чтобы еще улучшить его управление, хоть оно и теперь таково, что киргизы перекочевывают из Кокана к нам, а не обратно.

На счет же Кокана, говорил я, враждебных намерений у генерала нет, почему он и идет с одним только почетным конвоем, вместо войска.

Но если он узнает о недавних враждебных действиях коканцов, хоть бы об моем плене, между тем как я мирно занимался разведыванием дарьинских зверей и птиц, то он непременно накажет подобные действия.

Войска для этого из России водить не нужно: и на Дарье его довольно, чтобы разорить все коканское ханство.

Тут пошли вопросы о войске в Ак-Мечети — не считал, говорю, мое поручение не военное, а тысяч пять-шесть будет, по крайней мере, а пожалуй и больше, что было весьма значительное преувеличение, но я полагал его полезным.

Зашла речь и об убитом коканце; не я ли лишил его жизни. Я отвечал, что я только встречен у мертвого тела, испугавшего мою лошадь, за что и изрублен, мнимый виновник его смерти, а между тем сему делу не причастен.

— А кто-то убил Худайбергена ?

— Казак.

— Куда делся?

— Ускакал.

— Видел ли ты, как он его убил? [25]

— Видел. Он кольнул пикой сперва меня, потом казака; тот обернулся и выстрелил почти в упор, а сам ускакал. Я видел, как Худайберген упал мертвый, видел и скачущего казака: вот, он и ускакал, его лошади у вас нет.

— Он так и скрылся!

— Не мне же его ловить, а вам; за чем не схватили, или не убили.

— Да, мы видели, как он скакал, только не погнались; а кабы знали, что он Худайбергена убил!

— Смотрели ли бы лучше, кто ваших бьет. А остальные два казака, чьи лошади у вас?

— Были сбиты, и ушли в колючку.

— А сколько вас было? стал спрашивать уже я.

— Двенадцать.

— Откуда?

— Из Яны-Кургана, с Дащаном. Я его брат.

— На Кара-Тау ходили?

— Да, пошли было (о чем, как читатель уже знает, я и был извещен); там угнали ваши киргизы лошадей.

— А потом?

— Гнаться за ними уж было нечего, так вернулись домой.

— Как же сюда попали?

— Да уже после, как узнали там, что идет сюда русский отряд. Дащан хотел за угнанных в русскую землю лошадей, сам отрядный табун угнать.

— Когда же вы выступили? Когда пришли сюда?

— Выступили вчера утром, пришли сегодня утром. Дащан уже высмотрел, где ваш табун, и ждал ночи, чтобы захватить его. Ваши часовые там пока на лошадей сядут, пока тревогу поднимут, а мы гикнули да погнались табун. Там отряд просыпайся, собирайся, догоняй!

Этот киргиз, как я после узнал, в Оренбурге, был прежде жожаком при русских отрядах и конвойных командах, например, водил штабс-капитана горных инженеров, г. Антипова, на каменноугольные (собственно лигнитовые) прииски у реки Джиланчика. Тогда я [26] вспомнил, как он точно знает наши лагерные порядки в степи. Мог узнать и от Дащана; того не раз ловили за разбой и водили под конвоем, а он ночью убежал.

При этих разговорах, не то, чтобы непрерывных, а с значительными промежутками, мы проехали урочища Сары-Чаганак, Сункарлы и Казакты. Край барханной полосы тут извилист; мы ехали то песками, то низинами, поросшими колючкой с канавами и разливами Дарьи; были и луговины; и они, и кустарник, славно цвели и зеленели, да и день был хорош: теплый, ясный — но не безоблачный, а с округленными, мягкими, родными облаками. Солнце заходило, и на закате придавало зелени желтоватую сочную прозрачность, особенно у вод. Вид их усиливал постоянно мучавшую меня жажду, и раз мне спутник, стороживший меня киргиз, дал воды, раз мне отвязали ноги, пустили самому напиться и даже присесть у разлива, посмотреть только что описанный вид; а наконец, переезжая глубокую канаву в брод, я с лошади черпал воду шляпой, и еще напился.

Эта была последняя канава на дороге: за ней начинался идущий почти до Яны-Кургана саксаульник. Переехавши ее, провожавшие меня хищники стали меньше торопиться, а то все боялись погони, и, хотя меня с провожатым все еще посылали вперед всех, но он уже слушался моего “акрын джюримс”, поедет тише, и мы уже часто ехали шагом, пока нас догоняли его товарищи, отстававшие и оглядывавшиеся за погоней. Наконец, как стемнело и все соединились, мы поехали то шагом, то мелкой рысцой, чтобы еще перед привалом дать вздохнуть лошадям.

Пора была вздохнуть и мне, хоть об этом и не слишком заботились мои спутники; впрочем, на мои вопросы, близко ли остановимся (джакан кунамс), они приветливо отвечали: джакан, близко. И за то спасибо, а более еще за то, что спасаясь от погони, они все-таки допускали меня останавливаться и пить у всякой воды, благо жажда мучила; а сами между тем не пили — ибо киргизы сырую воду считают вредной, особенно при сильном движении. [27]

Но как я им говорил, так и случилось: не смотря на эти остановки, никто из этой шайки погони близко не видал, а большинство не видало и вовсе. А между тем погоня была, и вот что я об ней узнал по возвращении.

Мои вожаки, поскакавшие в лагерь за помощью, подняли там тревогу; тотчас собрали казаков, поймали и оседлали лошадей; но лошади в то время, как всегда днем в степном походе, если отряд остановится, паслись свободно, хоть и стреноженные; собиранье их заняло время ⁵, так, что приехавши на место стычки, они коканцев уже не нашли, а только присоединились к ним, вышедши из колючки, препаратор и один из бывших со мной казаков, оба, как сказано, сбитые с лошадей. Другой казак, спасаясь от погони, переплыл Джарты-Куль, спрятался в камыши и пошел прямо в лагерь; оба были легко ранены пиками. Третий, конный, присоединился к поехавшим в погоню еще в лагере.

От меня нашли отбитый и окровавленный приклад ружья, да кровь на колючке и на земле. Чтобы дать своим знак, я уговорил одного из хищников бросить и стволы, благо испорчены разрывом левого; он и бросил, но другие подобрали.

Гнались верст слишком двадцать, казаков до тридцати, с офицером, доехали до раздвоения следов; одни по дороге, другие отошли в сторону, и в стороне же, далеко, виднелся на бархане верховой. Пустились за ним — он скрылся, опять показался и наконец скрылся окончательно. По дороге же, где меня везли, не видали никого; мы уже уехали. Мой кровавый след был уже заметен пылью.

[28]

Так погоня и вернулась; на следующий день опять ездили на место стычки, мой препаратор с ними, и похоронили застреленного мной Худойеергена. Хоронившие мне и описали как он был ранен и как пролетала пуля через его голову.

А ездок, заманивавший гнавшихся за хищниками казаков, был атаман шайки, Дащан. Он последний присоединился к товарищам, уже когда совсем стемнело, и, вскоре, удостоверившись, что погоня решительно отстала, остановил свою партию у могил Охчу.

Ночь была безлунная, могилы неясно виднелись на черном фоне саксаульника, на крутом скате оврага. Я их рассмотрел уже на обратном пути, тогда и опишу.

Меня ввели в низкую, темную землянку, довольно впрочем просторную; там жил отшельник у святых могил; но нас встретил не он, а какая-то старуха, и засветила каганец — такой же, как у нас иногда в воронежской губернии, и в Малороссии: черенок с салом и с измятой бумажной тряпицей вместо светильни. Я прилег тотчас на земь и дремать не дремал, а почти; мало что примечал, только помню однако, что крыша, она же и потолок, была плоская, на кривых лежащих бревнах, подпертых кривыми же деревянными столбами.

Не успел я и двух минут пробыть в сакле, как вошел Дащан и подсел ко мне; мы очень дружелюбно познакомились; он рекомендовался чистым русским языком, мягким и вкрадчивым тоном, и подал мне руку по киргизскому обычаю; я отвечал тем же и прибавил, что уже много слышал про его удадь. Старуха что-то возилась, за угощением что ли; ожидая ужина, Дащан завел со мной разговор такой же, как и его брат; я отвечал односложно, с видимой усталостью, и беседа (или допрос) скоро сменилась угощением: старуха принесла нам по яннодереву чашке айряну, т. е., жидкого кислого молока ⁶, [29] а Дащан ей перевел мое желание разбавить айрян водой, так как жажда не прекращалась.

Ночевать однако тут не остались, а выпивши айряну и напоивши лошадей, отправились дальше, свернули в саксаульник, и верст за десять от Охчу остановились в котловинной, травянистой полянке. Помню, что из землянки в Охчу меня пригласили выйти из первых и опять привязали ноги к стремянам; а Дащан вышел последний, когда уже все были на конях.

На ночлеге, разумеется, все легли; лег и я, подпирая локтем голову. Это заметил Дащан и велел подать мне седло с подушкой, к которому и сам с другой стороны прилег. Только не продолжителен был наш сон; задолго до зари, темной ночью, поехали мы дальше, все саксауловым лесом. Саксаул здесь рос огромный, сажени в три; темное ночное небо виднелось сквозь черную

сетку ветвей, а внизу, в густом, почти осязательном мраке, сероватые, толстые, мудрено искривленные стволы и корни деревьев. Вообще ночной колорит саксаульника самый невеселый, да и тишина была такая мертвенная, что топот наших лошадей раздавался не то чтобы фантастически, а *unheimlich*, как говорят немцы; по-русски этого слова нет. Неопределенно, тяжело было мне на душе; только одна нисколько отчетливая мысль, что саксауловый лес вообще отличается сухостью, а жажда моя не прекратилась.

Ехали мы ночью, казалось, без конца; однако наконец стала и заря заниматься, а скоро и солнце взошло; заря на Дарье непродолжительна. Крупный саксаульник сменился мелким; явились голые такыры ⁷; мне сказал подъехавший между тем Дащан, что чуть близко должна быть дождевая вода, и послал посмотреть, а меня пригласил сесть и покурить трубки, — захваченную от меня трубку и мой же табак.

Тут я его рассмотрел подробнее и опишу; он того [30] стоит, как один из последних представителей, и притом из совершеннейших, чисто-киргизского старинного молодечества и необузданности.

Наружность его была, однако, не такая как у большинства киргизов, коренастых, скуластых, плосконосых и широколицых, которые хоть в самом деле ловки и проворны, а смотрят увальнями, неповоротливыми, в халатах, сидящих на них скверно.

А Дащан смотрит молодцом; не большого роста, тонок и строен, с маленькими руками и ногами: а *gentleman robber*, хоть и не белой кости, не султанской породы, а плебей, простой киргиз. Лицо было европейское, как у его брата, только губы полнее, черты мягче и приятнее, а большие черные глаза, с несколько (монгольски) приподнятыми углами, также плутовато подмигивали, даже еще и плутоватое, — хитрые, лисьи глаза, под благородно открытым лбом. Только не одна хитрость и жадность выражались на этом лице, как у его брата; тут виднелась и беззаботная удаль, и желание пожить и потешиться, и чувственность, и даже какое-то веселое, непритворное добродушие. Преподвижное было лицо, что впрочем у киргизов не редкость, если только, разбогатевши, не заплывут жиром.

Но Дащану заплывать было некогда. Наследственного богатства не было, неугомная удаль не давала ему покоя, — он с ранней молодости стал промышлять разбоем, что по киргизским понятиям вовсе не предосудительно, — и прославился по степи как батырь первостепенный.

Тут необходимо небольшое пояснение, чтобы читатель не подумал, что в киргизской степи от грабежей так уж и жить нельзя. Они, по киргизским понятиям, конечно похвальны и удаль показывают, — но не всегда; на счет грабежей есть обычное право, отступления от которого киргизы не терпят. Это право весьма немногосложно.

Во-первых, для киргизов, и ни для них одних, высшая доблесть есть военная; а у киргизов, как у туркмен и бедуинов, война не что иное, как разбойничьи набеги, в которых и дерутся, и храбро даже дерутся — [31] когда этого избежать нельзя. В батыре, удалце, ценится и телесная сила, а из нравственных качеств — находчивость и хладнокровие; он не должен никогда терять присутствие духа, но его похвалят за избежание битвы, если и так можно поживиться на счет врага, и не осудят за бегство перед неприятелем, если оно выгоднее боя. Понятий о “честя оружия” у киргизов нет, а жизнью они весьма дорожат. Идеально-храбрый киргиз беспрестанно рискует жизнью, идет на все опасности, — но с уверенностью так или иначе отвертеться и остаться целым, да еще с поживой; для чего киргизское понятие о чести его не стесняет в выборе средств, так что и баснословно-прыткое бегство и какой угодно обман — почетны.

Так я слышал в форте Перовском, что три киргиза, из тамошних (не помню когда, только недавно), увели лошадей туркестанского датки — сами спаслись и лошадей пригнали, ни на ком ни царапины, — это герои, да и по нашим понятиям смелы: лошади туркестанского датки в Туркестане, в цитадели, за двумя стенами, а в Туркестане шесть сот человек гарнизона.

Из сказанного уже ясно, когда грабеж делает честь киргизскому грабителю, когда это война; но, по тамошним понятиям, каждый набег на чужой род есть уже военное действие не предосудительное. Оттого, от раздробления враждующих родов, и вышла для киргизов невозможность сохранить свою независимость. Только в своем или дружественном роде грабеж считается преступлением и смерть грабителя не вызывает кровной мести, почему и остерегаются, хоть бывала кровная месть и против этого правила, но редка. Гостя ограбить тоже считается бесчестным, и безусловно.

Любимые грабежи киргизов — это угоны скота и всего охотнее лошадей; это самый быстрый набег; но род, у которого угнали часть скота, разведавши, к какому роду принадлежат грабители — мстит всему их роду тем же ⁸. Этот обмен грабежей называется барантой; [32] прекращается, когда враждующие роды устанут, третейским судом нейтрального рода, или уважаемого бия, т. е., старшины, который решает, кому и сколько нужно доплатить скота, чтобы обе стороны сквитались. Но, разумеется, определение похитителей бывает часто гадательно, бывают и ошибки, вследствие которых угоняется скот и у совершенно невинного рода; тогда баранта осложняется и запутывается.

Взаимный грабеж между членами одного рода считается преступлением; но есть удальцы, для которых не награбленный скот, а процесс баранты составляет наслаждение; те перекочевывают из рода в род, ища баранты, как кондотьеры; итак это уже виртуозы в деле набегов — то их везде и принимают, и ценят; т. е., так было.

Таким-то кондотьером и был Дащан; но он поздно родился. Когда подданство киргизов России перестало быть номинальным, и русское правительство вмешалось в их внутренние дела, то оно, очевидно, также мало могло допускать родовую баранту как и допускать у русского конокрада оправдание, что он не в своем селе лошадь увел, а в чужом. Для прекращения баранты было употреблено киргизское же средство третейских судов; только их решения были объявлены обязательными и окончательными, хотя и не обошлось без взяток кому следует. За тем баранта была отменена, а всякий вновь возникающий случай ее судим уголовно, как грабеж.

Большинство киргизов скоро привыкло к новому порядку, к большому обеспечению собственности даже и не удалого наездника, даже и того мирного человека, который не сумеет угнать где-нибудь скота, в замен угнанного у него самого; но вековой обычай сразу постановлением не может быть прекращен. Были и недовольные, были и действительно обиженные решениями окончательных третейских судов; баранты продолжались, только в меньших размерах; кроме риска возмездия и гибели в стычке, был еще риск быть выданным русскому начальству для уголовного суда.

Барантач становился мятежником; но это самое [33] придавало разбою новую прелесть, облагораживало ремесло в глазах иных удальцов, каков был и Дащан — если только нужно было в глазах киргиза облагораживать ремесло батырей, героев народных песен и преданий его земли. А неуважение к тому, что народ считал доблестью а русские преступлением, уравнение сильных и больших с робкими и вялыми, прекращение бедняку средств обогатиться своим удальством, все это должно было оскорблять киргиза, непонимающего гражданственности и условий общественного благоустройства, и побуждать его к пренебрежению новых постановлений ⁹ о баранте, в надежде увернуться от законного наказания — не поймают.

Но Дащан был пойман, и не раз, пойман земляками и представлен русскому начальству. Огромное большинство киргизов, хотя тоже не понимало и не понимает гражданственности, хотя и вздыхает о тех временах вольности, когда стада каждого рода защищались только его батырями, но на деле все-таки нашло, что и новое постановление годится, как средство обезопасить свою скотину и по этой причине, мимо всяких идей общественного благоустройства, содействовало русским начальствам в преследовании и поимки барантачей; так что последние батыри-наездники, упражнявшие свою удаль внутри русских владений в степи, более и более теряли, так сказать, землю под ногами для своих подвигов.

Нельзя впрочем сказать, чтобы обычай выдавать нашим начальствам барантацией сделался совершенно общим в степи: и теперь киргизы еще предпочитают самоуправство: отбить угнанный скот, и основательно поколотить нагайками угнавших, если удастся.

Только Дащан выходил из ряду обыкновенных киргизских конокрадов, и под нагайки земляков не попадался, а сам бил. Он сделался грозой юго-восточной части степи, у Сыр-Дарьи; первоначально же кочевал зимой на Дарье, а летом под Троицком (где и выучился по [34] русски), как большинство киргизов, зимующих по Дарье вверх от Кармакчи, где Караузьяк опять соединяется с главным руслом.

Он нападал на аулы (состоящие вообще из не многих семейств), иногда с товарищами, иногда даже один; только всегда сопротивление бывало бесполезно: сильный и ловкий, с хорошо подобранными молодцами, он бил и убивал сопротивляющихся; да и ему одному было не трудно с тремя справиться, подковы разгибал.

За то, бывало, наедет один на аул, выберет скота, сколько нужно угнать, да и велит собрать и гнать перед собой кому-нибудь из ограбленных же, пока скот не обойдется; тогда прогонял импровизированного пастуха домой, и тот не смел его выслеживать, ибо страх был велик.

Степь он знал как свои пять пальцев, и кочевья коканских киргизов тоже. После взятия Ак-Мечети, не раз ходили ловить его наши отряды, и возвращались ни с чем.

В друзьях, укрывателях, вестовщиках, шпионах, у Дащана по степи недостатка не было. Он щедро делился своей добычей со всяким, кто ему был полезен, не был скуп и на угощения, а остатки продавал или выменивал, и вместо угнанного скота у него являлись щегольские халаты, шапки, оружие, конская сбруя, отличные скакуны, подарки любовницам ¹⁰, которым он впрочем уже и тем нравился, что красивее, ловчее, наряднее киргиза не легко было встретить. Не для наживы и скопидомства разбойничал Дащан, хотя чужое добро вообще имело для него магическую прелесть, а для молодечества, да чтобы были и средства пожить в свое удовольствие.

Но приятелей и укрывателей было у него все-таки менее, чем обиженных и ограбленных им; а так как ему [35] не редко приходилось, как уже сказано, с боя брать скот и иную добычу, так не было недостатка и в врагах, которых киргизский обычай обязывал мстить за кровь родичей, убитых им или его шайкой.

Враги и следили за ним; бывали и слухи, что Дащан убит — а он их опровергал новым набегом, новым грабежом. Ибо эти враги, готовые и способные содействовать тому или тем, кто решится напасть на Дащана и сумеет его поймать или убить, были рассеяны по разным кочевьям и, каждый отдельно, на своего лиходея напасть не решались.

Между тем, как уже сказано, смелый разбойник был пойман: О. Я. Осмоловский, заведая сыр-дарьинскими киргизами и освоившись с их бытом и понятиями, нашел между ними людей, способных решиться на поимку Дащана, считавшуюся весьма трудным, почти невозможным подвигом, и сумел заставить их решиться. Из киргизов, кочующих у Ак-Мечети, были батыри, наездники, мстившие коканцам за их набеги, служившие тоже лазутчиками в Коканд (последнее по-киргизски, тоже молодечество — дело рискованное и требующее изворотливости) их-то самолюбие и удалось возбудить, чтобы показали, что не хуже они батыри, чем Дащан, а пожалуй и лучше: поймали бы его — и поймали.

Пойманного разбойника судили за грабежи и убийства, и приговорили к ссылке в Сибирь на каторжную работу. Он и был сослан, но бежал, не достигши места назначения, и вернулся в степь, а именно нашел себе убежище в смежной с нашей границей части Кокана.

Только там он не жил смирно, а принялся за прежние подвиги, за набеги в наши владения, с прежним успехом и с прежней дерзостью, которая довела его до того, что он вторично был пойман. Обстоятельств этой вторичной поимки, так же как и первой, хорошенько не знаю; помню

только, что его вели в кандалах, под строжайшим присмотром и с сильным конвоем: так его видел комендант форта № 2-го, через который его провели, только куда — в ссылку или в форт Перовский для [36] военного суда и казни, за возобновление преступных действий, раз уже наказанных по судебному приговору? Этого я не могу сказать, хотя смутно помнится, что его вели в форт Перовский. Достоверно только, что он был очень тих и покорен, и бежать не покушался, пока не улучил удобной ночи; тогда, сломавши железные кандалы, Дащан ускакал на лучшей лошади офицера, начальствовавшего конвоем. Подняли тревогу, погнались — но Дащан уже исчез в темноте ночи, и только через несколько месяцев узнали в форте Перовском, куда он делся.

А он, между тем, оказался неисправим; только искал более надежной опоры для продолжения своих набегов. Для этого он вступил в коканскую службу, и зимой с 1857 на 1858 г. узнали, что он уже имеет какое-то начальство в Яны-Кургане, крайнем к западу коканском укреплении на Сыр-Дарье, — и в набеге, имевшем последствием мой плен, он оказался прежним отважным Дащаном, затеявши нечаянно угнать лошадей русского отряда, численностью в десятеро превосходившего его шайку.

Читатель, надеюсь, не посетует, что я старался ознакомить его с захватившим меня хищником; скорее пожалеет, что я про Дащана не довольно знаю. Он занимателен, как один из последних древне-киргизских героев, и не уступает в удали и прочих доблестях никому из предшественников; его ли вина, что поздно родился, что столкновение с высшей, но чуждой, русской формой народной жизни довело его до осуждения на каторгу? Но надеюсь, что, не смотря на такое неприятное обстоятельство, этот “беглый каторжник”, по объясненным причинам, имеет для читателя такой же интерес, как для натуралиста живые донныне остатки доисторических, вымирающих пород животных: беловежский зубр, новозеландские птицы *Arteryx* и *Notornis*, и т. д.

По крайней мере, во мне он возбуждал, до плена, как только я услышал об его похождениях, именно такого же рода участие, как зубр или *Arteryx*, а во время [37] плена это чувство, вовсе не враждебное, было сохранено его учтивым и ласковым обращением с пленником.

Итак, пригласивши меня слезть и покурить, он велел мне отвязать ноги от стремян; мы сели рядом, и я попробовал курить — но без обычного удовольствия. Он докурил трубку; воды на такыре, где мы отдыхали, не нашлось; мы поехали дальше. Тут он в первый раз взглянул как я сажусь на лошадь и спросил меня, не желаю ли обойтись без привязывания ног к стремянам.

Но на этот раз не захотелось мне просить милости, как вчера просил пить или ехать тише. Я отвечал, что привязывание ног должно быть киргизский обычай; а впрочем дело от него зависит.

Тогда он велел оставить мои ноги без привязи и предоставить мне самому править лошадь, чтобы не вели ее на поводу: видно погони перестал бояться, да и побега моего не опасался — я был слишком уже расслаблен ранами и ездой, чтобы ускакать.

Мы ехали рядом; Дащан спросил вдруг, что это у меня левое ухо висит (оно было рассечено сабельным ударом по виску), и нельзя ли его справить, чтобы срослось? Я его заправил под шляпу — и оно действительно впоследствии срослось, только с окошком посредине.

Он меня расспрашивал о том же, как и его брат, и получал одинаковые ответы; расспрашивал и о начальствующих на Сыр-Дарье. Зная его злобу на них за прежнее и опасаясь для них коканских засад, особенно для г. Осмоловского, который часто без конвоя ездил, я говорил не всю правду; про г. Осмоловского сказал, что он при мне сбирался в Казалу и подал в отставку, и вероятно (а наверное не знаю) уехал; так, чтобы в случае получения коканцами более верных сведений, мое известие оказалось бы не полным, а только ошибочным. Эта осторожность не мешала, как после узнает читатель; мне для освобождения нужно было, чтобы коканцы мне верили. Г-ну же Осмоловскому Дащан давно готовил засаду, и я об этом слышал еще в форте Перовском. [38]

Еще спрашивал он меня о киргизе Джакубае, бывшем со мной и узнанном Дащаном по рыжей лошади. Этот Джакубай ходил ловить Дащана, отыскал его, поборол, при помощи товарищей

связал и представил русскому начальству; Дащан, во время стычки с нами, гнался за ним, но бесполезно, и потом при отступлении коканцев, отставал, смотря, не будет ли враг проводником русской погони, не удастся ли убить его из засады.

Я отвечал, что Джакубая со мной не было, а был Чагин Тас-Темиров (вымышленный).

— Да на счет его рыжей лошади я уж не ошибусь, говорил Дащан; эту лошадь я скорее узнаю, чем самого Джакубая.

— Джакубай и был назначен со мной рассыльным, отвечал я, но заболел и остался в ауле; а Чагин занял у него рыжую лошадь и поехал за него, т. е., Джакубай его послал.

Зная и испытавши на себе усердие Джакубая исполнять поручения начальства, Дащан этому поверил, и, прекративши на время допрос, показал мне зрительную трубку, из числа отнятых у меня вещей, желая узнать ее употребление. Я ему показал. Мы тогда были на бугре, поросшем мелким кустарником; растущий ниже высокий саксаул не мешал видеть к северу хребет Кара-Тау, безлесный, скалистый, на котором однако вдали зеленелись степные пастбища. К северо-западу возвышалась над остальным хребтом, уже синее в дали, вершина Карамуруна, тоже безлесная. После меня Дащан посмотрел в трубу на хребет, бывший верстах в сорока от нас, и остался доволен и трубой, и моей готовностью объяснить ее употребление.

Я часто спрашивал, близко ли вода; Дащан послал за ней киргиза с кожаным турсуком. Тот поскакал; мы ехали тише, и вскоре остановились обождать несколько посланных за водой и дать лошадям пощипать травы, благо нашлась площадка с хорошим кормом, что в саксауловом лесу редкость. [39]

Эта кормная площадка была у древних могил, которых мои спутники не сумели или не захотели мне назвать. На картах полагают, приблизительно, в этом месте развалины города Отрара, разоренного Тамерланом.

Место было живописное, в долине с одной стороны глиняный обрыв и на нем длинный ряд могил, с другой песчаные бугры с кустарниками и редкой, тонкой, ярко-зеленой травой, которая гуще росла на узкой полосе, между дорогой и их подошвой.

Могилы были такие же, как везде; я видел на Сыр-Дарье квадратные, внутри пустые, как комнатка, постройки из битой глины, с куполом. Древни были оне; купола все отчасти провалились, ни одного целого; от многих могил оставались только части стен, в других, лучше сохранившихся, были широкие трещины.

Внутри многих могил, выходя из развалившегося свода или из широких боковых трещин, рос саксаул, как и кругом их, высокий и толстый, слишком в четверть и до полуаршина толщины, что показывает древность этих могил, развалившихся и заросших саксаулом лет не менее трехсот тому назад, а может быть и больше, судя по медленному росту саксаула, — и покинутых вероятно во время Тамерлана. Размеры этих могил превосходили все виденное мной на Сыр-Дарье и вообще в степи; и саксаул был в этом месте особенно велик, но корм лошадям оказался весьма скудный, и мы отдыхали всего несколько минут. Нужно было скорее ехать; видя мое утомление, Дащан велел мне дать более покойную при быстрой езде лошадь, иноходца, на котором я однако отстал с своим провожатым. Вскоре нам встретился киргиз, посланный за водой, отдал мне турсук и поскакал обратно к колодезю. Япил понемногу, но часто; так мы ехали верст, может быть, десять, въехали из саксаульника, и встретили большую часть шайки на луговине, между высокими песчаными буграми; они уж отдыхали; я тотчас лег и заснул, но не долго спал; вскоре мы опять поднялись и переехали через пески, в другую луговину, где был колодезь. Там Дащанпил чай; предложил и мне, но я, хлебнувши [40] несколько, дополнил чашку водой из колодезя, и опять стал пить воду. Жажда не унималась; голоду я не чувствовал.

И тут мы остались недолго; когда поехали далее, Дащан и брат его опять меня расспрашивали, кто

я, какова цель моей поездки, о состоянии сыр-дарьинского края, о намерениях генерала Катенина относительно Кокана, о Джакубае. Мне удалось припомнить все свои ответы, и правдивые и обманчивые, так что я не возбудил их недоверчивости противоречием самому себе. Опять удалось несколько раз упомянуть, но мимоходом, чтобы не возбуждать подозрений, что взятие меня в плен навлечет на Яны-Курган, и вообще на коканцев, враждебные действия русских, разорение Яны-Кургана, истребление гарнизона, вероятно и казнь участвовавших в набегах, как только генерал-губернатор узнает об этом деле.

Эти угрозы достигли цели; проехавши несколько времени после допроса, молча, Дащан и брат его подъехали опять ко мне и стали уже расспрашивать на счет условий освобождения, и что даст наше сыр-дарьинское начальство выкупа. Я им отвечал, что ничего не даст и что не надо дожидаться, чтобы мое освобождение было потребовано русским начальством, потому оно потребует не иначе, как, безусловного освобождения, я в случае не только отказа, но даже нерешительного ответа или замедления в исполнении требования, поддержит его военной силой. Впрочем, прибавил я, выкуп возможен, но частным образом, от меня, и в том только случае когда они немедленно пошлют гонца с письмом от меня, чтобы известить о моем освобождении и получить задаток; а остальные деньги я выплачу уже сам своим коканским провожатым, возвратившись в форт Перовский.

Выкупа я предлагал 200 золотых, собственно Дащану; он согласился на эту сумму и на прочие условия, но сказал, что один решить дело не может, а должен снести с коканским комендантом Яны-Кургана, который то-же потребует денег; что выкупную сумму нужно будет усилить, так, чтобы не меньше 200 золотых (русских полуимпериалов) пришлось собственно на его, дащанову долю, [41] а что впрочем обещает он мне скорое освобождение, так как уверен, что яны-курганский бек тоже согласится.

Итак, в первый день плена уже являлась мне надежда свободы, без опасных попыток бегства, который моя слабость от ран и потери крови делала невозможными.

Я знал, что Дащан разбойник; хотя это по киргизским понятиям не предосудительно, но мне от этого было не легче, потому что это обстоятельство и обще-азиатская ненадежность, заставляли меня сомневаться в верности его слова; но все таки освобождение, хотя и не верное, было возможно, даже вероятно, — и я, с этой мыслью, бодро ехал к Яны-Кургану, считая уже раны и плен временной невзгодой, от которой унывать не надо, и радуясь тому, что при всей неверности будущего, первый шаг к освобождению был мной сделан успешно! Я припоминал сделанные уже мной ответы на допросах и соображал дальнейшие, готовясь к переговорам о свободе с яны-курганским беком.

Между тем Яны-Курган был уже не далек, а в Яны-Кургане и отдых, что мне тоже было приятно, потому что усталость я чувствовал жестокою.

По дороге, проехавши могилы, саксаул, от Охчу до этих могил сплошной, перемежался турангой, а в низинах колючкой; потом, часа через два скорой езды от колодезя, после последней саксауловой рощи, дорога вышла в долину Сыр-Дарьи, ровную низменность, заросшую колючкой. Вскоре мы проехали луга с озерками и превосходным сенокосом; потом опять колючка, незначительная возвышенность — и показался впереди Яны-Курган, крайняя, вниз по Дарье, коканская крепость; впереди же, по левее, плоская гора Угуз-Миаз (Бычий Рог); влево от дороги, вдали, хребет Кара-Тау.

Яны-Курган построен на незаливном месте, у самого берега Сыр-Дарьи, на едва приметной возвышенности, которая идет от Угуз-Миаса к юго-западу, к реке. Эта возвышенность обозначается более тем, что ее поверхность представляет травяную степь, между тем как восточнее [42] и западнее и не далеко от крепости растет в долине Дарьи колючка, прерываемая необширными лугами. Впрочем место, где стоит Яны-Курган, так уже мало возвышается над рекой, что крепостной ров из нее получает воду, которой уровень всего аршина на четыре ниже

краев рва.

Самая крепость четырехугольная. Стены, перпендикулярные к реке, длиннее параллельных ей; эти длинные стороны сажень в двести. Стены, как в Мамасеите, Ак-Мечети и вообще в азиатских крепостях того края, из битой глины, вынутой из рва; внутри — кибитки и глиняные постройки. Пушек в крепости нет, но есть большие крепостные ружья, фитильные, которые кладутся для стрельбы на вершину стены. Ворота с восточной стороны, у моста через ров, крытые; длина этого крытого хода более, чем общая толщина крепостной стены, что я после видел и в Туркестане. Наружная сторона стены отвесна; внутренняя, где не прислонены постройки, поката; на вершине небольшая стенка с низкими, округленными зубцами, между которыми можно класть для стрельбы крепостные ружья. — Около крепости находится аул из нескольких кибиток. Подъезжая к Яны-Кургану, Дащан затеял устроить парадный въезд, и собрал всю свою партию, до тех пор ехавшую врозь. Нужно было показать лицом захваченных лошадей, оружие, особенно пленника, и пленника не из рядовых, какого не захватывала до тех пор ни одна коканская партия. Меня пересадили с коканского иноходца на бывшую мою лошадь и пригласили ехать рядом с Дащаном, который, с гордой осанкой, с выражением полнейшего самодовольства на лице ехал рысью на своем прекрасном гнедом карабаире, т.е., помеси аргамака с простой киргизской породой.

Этот дивный конь, проехавши с небольшим в двое суток 340 верст, почти без корма, еще был в теле, бодро раздувал ноздри, храпел и играл под удалым седоком, то и дело приподнимаясь немного на дыбы, когда тот, слегка понуждая ногами, укорачивал поводья, чтобы насладиться огнем своего неутомимого скакуна. И всадник на вид не уступал коню, стройный, с [43] правильным выразительным лицом, с радостью удачного набега во взгляде быстрых черных глаз, и в платье, не портившем его наружности, а щеголевато скроенном по росту и стану, что у киргизов и коканцев величайшая редкость: только на Дащане и видел. Подтянутый шелковым поясом, коричневый из тонкого сукна халат не был засален, а только в пыли, хотя и поношенный; даже видневшаяся из под него рубашка почти чистая!!

И откуда взялась такая опрятность у киргиза?!

Я представлял печальный контраст с этим красивым наездником и ехал едва держась на седле от усталости, весь покрытый запекшейся кровью с пылью: и лицо, и платье, и шляпа. Но я чувствовал только усталость, а не стыд быть трофеем разбойника; мои раны, из которых кровь еще сочилась, хотя и не капала уже на дорогу, объясняли и оправдывали плен.

Сядясь на лошадь, я заметил, что седло без подушки, и спросил ее у Дащана. Тот передал мое желание захватившему ее, передал и мне его ответ: что если Дащан заставит его отдать мне подушку, так он меня убьет. Так отвечал изрубивший меня коканец. Я не настаивал и поехал без подушки, хотя и с болью в ногах; но ехать оставалось всего версты две.

Так мы въехали в Яны-Курган, где я, сходя с лошади, был тотчас представлен коменданту, который ожидал нас в приемной зале, т.е., под навесом у своего глиняного домика, подпертом разными деревянными столбиками. Пол был устлан кошмами; сам комендант сидел на коврике, поджавши ноги.

Это был человек средних лет, малорослый, худой, с выдающимися скулами, редкой бородкой, черной с проседью, с мелкими чертами и лукавым выражением лица. Со мной впрочем оказался приветлив; когда я сел, или вернее прилег, подпирая голову рукой, мне под локоть тотчас подложили седельную подушку, и, прежде начала допроса, комендант угостил меня чаем и изюмом, который подается в Коканде к чаю вместо дорогого там сахара. Расспрашивал он меня о том же, как и Дащан [44] с братом, которые теперь служили переводчиками, но менее подробно; ответы были те же, и повторять я их здесь не буду. После допроса началась у коменданта с братьями Дащан беседа на татарском языке, во время которой моя голова как-то сама опустилась на подложенную под локоть подушку, и я заснул глубоким сном, неизбежным после проезда ста семидесяти, верст верхом в одни сутки. Когда я проснулся, были уже сумерки; я услышал шум

шагов входящего киргиза, поглядел полузакрытыми глазами, не переменяя положения, и увидел, что народ, собравшийся в этой приемной, когда меня ввели, разошелся, коменданта и Дащана тоже не было, а около меня стоял киргиз, молча указывал на меня вошедшему, мигал и объяснял жестами, чтобы тот не шумел. Полежавши так несколько минут, я приподнялся; тогда только что вошедший киргиз унес бывшую у меня седельную подушку, а некоторые другие, коканцы и киргизы, с саблями, по-видимому яны-курганского гарнизона, обступили меня и спрашивали: Дащан батырь?

— Ие (да), Дащан батырь, отвечал я; а на вопрос: Худайберген батырь? я опять отвечал, с полной готовностью и самым невинным видом, что и Худайберген батырь. Последний вопрос был сделан мне однако суровым и подозрительным тоном: читатель припомнит, что Худайберген был именно застреленный мною коканец. Но тогда, не знаю почему, мне показалось, что так зовут яны-курганского коменданта (а его звали Джабек-Бием), и мой невинный вид был непритворен.

На том разговор и остановился; меня отвели в кибитку, внутри крепости, где я нашел лепешку, чашку айрыана и приготовленную постель, т. е., кошму и седельную подушку. Выпивши айрыана и слегка закусивши, я вскоре заснул.

На другой день, 28 апреля, рано утром, пришел ко мне Дащан и объявил, что оставляет меня на день или на два в Яны-Кургане отдохнуть, в той же кибитке, пока съездит в аул; а потом возьмет меня в свой аул, где я и останусь до освобождения; а для того, чтобы ходить [45] за мной и исполнять все мои желания, он оставляет при мне меньшего брата, который будет, говорил, к моим услугам и к стати переводчиком, — а настоящий смысл этих учтивых фраз был тот, что я оставлялся в Яны-Кургане под присмотром его меньшего брата.

Последний был лет двадцати, красивый и ловкий малый, с добрым, открытым лицом, молодыми тонкими усиками, и больше ростом, чем старшие братья. Он действительно оказался услужлив: но я от него почти ничего и не требовал. По-русски он выговаривал чисто, но знал очень мало; в набеге не участвовал, также как и в прочих разбоях Дащана, а перекочевал к нему, когда тот уже поселился в коканских владениях.

Присмотр его был не строгий, да строгий и не был нужен; я все лежал.

Ухода за мной не было, хотя для ран и было бы полезно хоть обмыть их и перевязать, но они остались без всякого попечения. Мой молодой прислужник, или надзиратель, называйте его как хотите, доставил мне пищи — опять лепешек и айрыана; для разнообразия, видя что я плохо пью айрян, принес и молока. Отдохнувши и насытившись, для чего потребовалось очень мало пищи, я пожелал курить; он мне достал табаку, устроил и трубку из сырой глины с камышовым чубуком. — Коканский табак хорош, в роде турецкого; я его видал не иначе как в листах, которые курящий крошит сам, пальцами, по мере надобности; цена 5 коп. фунт. Курил я со вкусом, и это меня обрадовало, как признак уже возвращающегося здоровья; и он курил со мной весьма дружелюбно.

Пробовали и побеседовать, но с малым успехом: он знал по-русски, как я по-татарски.

Посторонних посетителей не было, и я спал большую часть дня, что не помешало мне очень хорошо спать и ночью. Были тревожные мысли, была и грусть, особенно при мысли, как-то известие о моем плене подействует на мое семейство; но я старался более думать о близком освобождении. Мне нужна было бодрость, спокойное, неунывающее расположение духа, чтобы действовать на [46] коканцев для своей цели, — и я не предавался тяжелым мыслям, а боролся с ними и настраивал себя, как считал нужным. А насчет сна — усталость брала свое, и истощение тоже.

На следующее утро, 29 апреля, вернулся Дащан из аула и повел меня к яны - курганскому коменданту на переговоры об условиях моего освобождения. Были повторены все рассказанные выше объяснения, которые я делал Дащану дорогой — и положили послать Коканда за задатком выкупа, с письмом от меня начальнику сыр-дарьинской линии, которого я просил отдать из

находившихся в форте Перовском моих денег сто золотых, т. е., почти все, а дополнение к сумме выкупа, которая была положена в пятьсот золотых, дать мне в займы при возвращении моем из плена. Было и письмо к семейству, которое я просил отправить, если уже послано туда известие, что я пропал без вести; а в противном случае удержать до моего освобождения.

Впоследствии я узнал, что ни одно из моих писем не было отправлено, как расскажу в свое время.

В ожидании возвращения посланного, который должен был отправиться в форт Перовский, на следующий день, 30 апреля, мне было положено жить не в Яны-Кургане, а у Дащана в ауле, к западу от северного конца горы Угуз-Миаз. Часа в два по полудни (судя по солнцу) мы туда и отправились; ехали Дащан с братьями и с женой, какой-то старый киргиз, и я. Над хребтом Кара-Тау и под Угуз-Миазом собирались тяжелые тучи, а на Кара-Тау были уже видны полосы дождя, которые вскоре скрыли хребет из вида.

Мы ехали травяной степью; но не ковыльной и не джусанной ¹¹. Тут были незнакомые мне растения и много мотыльковых, с перистыми листьями, вероятно *Astragalus*. Направо от дороги тянулась возвышенность Угуз-Миаса, повидимому не крутая, с слабо-волнистыми очертаниями, так что бычий рог (что значить ее имя) эта гора [47] представляет не стоящий, а разве лежащий на земле; вогнутая сторона обращена к западу.

Трава в степи росла не слишком часто и уже начинала вянуть. Дождя ждала эта трава, и не напрасно; я видел как он подвигался от Кара-Тау к реке, косвенно, с северо-запада, а с северо-востока шла туча по Угуз-Миазу. Наш путь направлялся к встрече этих туч, и вскоре мы основательно промокли; сверх халата, заправленного по-киргизски в кожаное нижнее платье, я надел пальто, которое мне Дащан в Яны-Кургане возвратил, и все-таки промок до костей и прозяб порядочно. Запас усталости и ломоты во всем теле, собранный еще на дороге в Яны-Курган и скрывавшийся, пока я отдыхал, тоже скоро дал себя почувствовать, и поездка казалась мне непроходимо долгой, а от сокращения ее скорой ездой мои силы отказывались. Я скоро отстал далеко от спутников, отстал со мной и упомянутый уже старик, который мне с участием говорил что - то по киргизски — но я не понимал, и конечно отвечал только: джерайд.

Комментарии

1. Сведения о Коканде немногочисленны и разбросаны, свод их, до 1834 года, есть у Риттера, в его классическом труде об Азии (второе издание, книга 3-я, часть 7-я, глава VI, страницы 728-784), о северо-западной части Кокана, бывшем ташкентском ханстве, о поездке Пospelова и Бурнашева в Ташкент (Вестник Географического Общества, 1851, книга I), позднейшие сведения — в том же Вестнике, 1856 года, в статье г. Вельяминова-Зернова о Кокане, содержащей возможно полное и удовлетворительное описание нынешнего положения ханства и исторический очерк, и в статье о плене трех сибирских козаков в Кокане. Торговлю Ташкента с Россией излагает г. Небольсин, в X книге Записок Географического Общества Сведения о господстве киргизов в Туркестане, в XVIII веке, есть в описании киргиз-казаков, Левшина, ч. II, о их владычестве в Ак-Мечети, в статье г. Макшеева о Сыр-Дарье, Морской Сборник, 1857, Февраль.

2. Тюрко-монгольским племенем, полностью образовавшимся, как и наши киргизы, вследствие чингис-хановых походов. Только теперь узбеки в Коканде, по своей малочисленности и бракам с сартами, приняли кавказский облик.

3. Может быть и меньше; точной цифры не помню, но в итоге не менее ста человек.

4. Вестник Географического Общества, 1856.

5. В степи, на каждое дневное нападение верно придется десять и более ночных, почему ночью, по правилу, треть лошадей оседлана, и все держатся в куче, привязанные к приколам, так что их и необходимо хоть днем пускать пастись; почему тоже и в походе стараются выступать ночью и идти

до полудня, или, на оборот, с полудня и захватить часть ночи, если идут на известное уже место где не нужно сперва искать пастбища и водооя.

6. Айрян делается из молока коровьего, верблюжьего или бараньего; отделению сыворотки препятствуют постоянным взбалтываньем.

7. Такыры — это голые, глиняные равнины, ровные и гладкие, как бильярд, превосходные для плац-парада — но более ни для чего, по крайней бесплодности, — ни былинки.

8. Так как в каждом роде круговая порука.

9. Новых в азиатском смысле, где изменение быта, введенное и двадцать-тридцать лет тому назад, все еще ново.

10. Киргизские девушки вовсе не стеснены обычаем на счет своего обращения с мужчинами, да и замужние женщины, хотя обычай относительно их и строже, а все-таки, по-монгольски, далеко свободнее прочих мусульманок: ходят с открытым лицом и без мужа, как при нем, могут принимать гостей обоего пола.

11. Джусан — мелкая, очень душистая полынь с желтыми цветками.

Текст воспроизведен по изданию: Месяц плена у Коканцев. Сочинение Николая Северцова СПб. 1860

© текст - Северцов Н. 1860

© сетевая версия - Thietmar. 2006

© OCR - samin. 2006

© дизайн - Войтехович А. 2001

**Мы приносим свою благодарность
[netelo](#) за помощь в получении текста.**